

Лариса Батоевна Бадмаева,
доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: imbt@burinfo.ru

Конвербиальные формы в языке бурятских летописей

Статья посвящена рассмотрению деепричастных форм в языке бурятских летописных текстов XIX века на старомонгольской письменности. Автор отмечает, что комплексное изучение языка старописьменных памятников может дать ценные сведения для разработки вопросов формирования языка. В летописных текстах выявлены примеры употребления соединительного, слитного, разделительного, продолжительного, предельного, предварительного, условного, уступительного деепричастий. Вместе с тем отмечается, что следующие конвербиальные формы, как целевая, «цитатная» (приготовительная), а также условная II с аффиксом *-qula / -küle*, условная III с аффиксом *-bala / -bele* в них не отмечены.

Сравнительный анализ показал, что некоторые деепричастия предела с аффиксом *-tala / -tele*, образованные от глаголов движения, в современном бурятском языке в результате утраты лексического значения перешли в разряд послелогов и союзных слов, с указанием на предел во времени и пространстве, например: *kürtele > хүрэтэр* 'до, по', *boltula > болотор* 'до ..., до тех пор, пока', *degürtele > дуурэтэр* 'до окончания, до выполнения, до предела', *bayitala > байтар* 'между тем как; тем временем, пока, в то время как', *yabutala > ябатар* 'до тех пор, пока'.

Таким образом, в статье отмечается, что деепричастные формы обладают высокой частотностью употребления в текстах бурятских хроник. Они образуют различные деепричастные обороты или зависимые предикативные единицы (ЗПЕ), которые логически связаны между собой и образуют одно целое – сложный синтаксический комплекс (ССК).

Ключевые слова: бурятские летописи, старомонгольская письменность, конвербиальные формы, инфинитные предикаты

Larisa B. Badmaeva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: imbt@burinfo.ru

The Verbal Participle Forms in the Language of the Buryat Chronicles

The article is devoted to consideration of participial forms in the language of the Buryat annalistic texts of the XIXth century in the Old Mongolian script. The author notes that integrated language learning of written monuments in the Old Mongolian script can provide valuable information to develop questions of language formation. In the chronicle texts we identified examples of the use of the connective, continuous separation, continuous, limit, provisional, conditional, concessive adverbial participles. However, it is noted that such participial forms as target, "quotational" (prep), and conditional II affix-*qula / -küle*, conditional III affix-*bala / -bele* they are not marked.

Comparative analysis showed that some limit participles with the affix *-tala / -tele*, derived from verbs of motion in modern Buryat language as a result of the loss of the lexical meaning moved into the category of postpositions and conjunctions, with an indication of the limit in time and space, for example: *kürtele > хүрэтэр* 'to, at', *boltula > болотор* '... until', *degürtele > дуурэтэр* 'till the end, to perform, to the limit', *bayitala > байтар* 'meanwhile; in the meantime, while', *yabutala > ябатар* 'up until'.

Thus, the article notes that the verbal participle forms have a high frequency of use in the texts of the Buryat chronicles. They form different verbal participle phrases or dependent predicative units (DPE), which are logically related to each other and form a single whole – a complex syntactic complex (CSC).

Keywords: Buryat chronicles, Old Mongolian script, verbal participle forms, infinite predicates

Исследованию деепричастия в монгольских языках посвящены труды А. А. Бобровникова, Н. Н. Поппе, Д. Д. Амоголонова, Г. Д. Санжеева, М. Н. Орловской, А. Шархуу, Т. Б. Цыреновой и др. Между тем не исследованы деепричастные формы в языке старописьменных памятников бурят, хотя комплексное изучение их может дать ценные сведения для разработки вопросов истории формирования языка. У бурят существует богатое письменное наследие на старописьменном монгольском языке, в котором особое место занимают исторические хроники [2, с. 12].

Глагольные формы, встречающиеся в языке бурятских летописей, подразделяются на окончательные и неокончательные. Как известно, окончательные формы могут занимать лишь конечную позицию в предложении и употребляться только предикативно. К ним относятся повелительно-желательные и изъявительные формы. Неокончательные формы могут находиться и в конце предложения, но обязательно в сочетании с разными вспомогательными и служебными словами. Обычно они употребляются в инфинитивной позиции. Главное их отличие от финитных форм заключается в том, что они могут употребляться не только в качестве сказуемых, но и других членов предложения. Из глагольных форм к ним относятся причастия и деепричастия.

В монгольских языках конвербиальные деепричастные формы – самые распространённые из глагольных форм. Высокая частотность употребления, исключительное разнообразие форм значений и синтаксических функций ставят деепричастие на первое место среди других глагольных форм [8, с. 133].

Деепричастия по своей синтаксической природе обычно делятся на две группы: 1) сопутствующие (соединительное, слитное, разделительное) и 2) обстоятельственные (условное, уступительное, целевое, цитатное, продолжительное, предельное, предварительное).

В классическом монгольском языке имеются следующие деепричастные формы: соединительное с аффиксом *-ju / -jü* после гласных и согласного – *l*, с аффиксом *-ču / -čü* после согласных; слитное с аффиксом *-n*; разделительное с аффиксом *-yad / -ged*; продолжительное с аффиксом *-ysayar / -gseger*; предварительное с аффиксом *-mayča / -megče*; предельное с аффиксом *-tala / -tele*; «цитатное» (приготовительное) с аффиксом *-r-un / -r-ün*; уступительное с аффиксом *-baču / -bečü*; условное I с аффиксом *-basu / -besü*, условное II – с аффиксом *-qula / -küle*, услов-

ное III с аффиксом *-bala / -bele* [3, с. 139–145; 10, с. 82–84].

В языке бурятских летописей употреблены следующие деепричастные формы: 1. Соединительное деепричастие: а) с аффиксом *-ju / -jü* (после гласных и согласного *l*: *ayᠰaᠰu* 'надев', *asaᠷaᠰu* 'принеся', *ayulᠯaᠰu* 'встретившись', *aldarᠰiᠰu* 'прославившись', *yaᠲaᠯᠰu* 'переправившись, перейдя', *toyᠲaᠰu* 'остановившись', *toyolaᠰu* 'посчитав', *kümüᠰiᠰu* 'возмужав', *negüᠰiᠰu* 'кочуя', *čiyulᠰu* 'собравшись', *üᠵeᠰu* 'узнав', *učiᠷaᠰu* 'встретив', *öᠷgüᠰu* 'подняв'; б) с аффиксом *-ču / -čü* (после согласных *b, d, r*): *ayiladču* 'соизволяя', *abču* 'взяв', *yaᠷču* 'выйдя'; с аффиксом *-ji*: *batulaydaᠰi* 'утвердив', *bayiriᠰiᠰi* 'обосновавшись', *tusalaji* 'помогая', *qoorlaji* 'отравив', *dutayaᠰi* 'убегая', *niileᠰi* 'соединяясь', *yabaji* 'идя', *sayuriᠰiᠰi* 'устроясь, обосновавшись' и т. д.

Как особенность языка бурятских летописей можно отметить, что в текстах летописных памятников использованы авторами формы соединительного деепричастия с аффиксом *-ji*: *yabaji*, *dutayaᠰi*, *qoorlaji*, *sayuriᠰiᠰi*, *niileᠰi* и др. Заметим, что отмеченная форма написания данных деепричастий приближена к современному произношению деепричастных форм в бурятском языке.

2. Слитное деепричастие с аффиксом *-n*: *baᠶalan* 'заставив', *boᠷuᠦudan* 'убежав', *daᠷayulan* 'увлекая, ведя за собой', *qabsuryan* 'присоединяя', *ribiᠰiᠷlan* 'ревизируя', *ᠵöbčileldün* 'посоветовавшись', *ergümᠰilen* 'провозглашая', *yekebčilen* 'увеличивая' и т. д.

3. Разделительное деепричастие с аффиксом *-yad / -ged*: *aldarsiᠶad* 'прославились', *yaᠷuᠶad* 'выйдя', *oluᠶad* 'найдя', *sayuluᠶad* 'посадив', *sonusuᠶad* 'услышав', *kelelčeged* 'договорившись', *kemeldeged* 'поговорив', *yadaᠶad* 'стараясь', *törüged* 'родив', *sayulčayad* 'сев с ними' и т. д.

4. Продолжительное деепричастие с аффиксом *-ysayar / -gseger*: *bayiᠶsayaᠷ* 'продолжая быть', *dabayᠶsayaᠷ* 'переваливая', *dayun yaᠷuᠶsayaᠷ* 'издавая крики', *delgereᠷgüleᠷgseger* 'продолжая распространять', *yekedegsigesiger* 'увеличивая', *önüᠷᠵigseger* 'продолжая множиться, плодиться', *yabuᠶsayaᠷ* 'продолжая идти' и т. д.

5. Предельное деепричастие с аффиксом *-tala / -tele*: *bögetele* 'пока есть', *bayitala* 'пока есть', *degüürtele* 'пока не наполнится', *önggürtele* 'пока не пройдёт', *kürtele* 'пока не достигнет', *yabutala* 'пока идёт', *sayutala-ni* 'пока сидит'.

6. Предварительное деепричастие с аффиксом *-mayča / -megče*: *busalamayča* 'как только вскипит', *dütülemegče* 'как только по-

дойдет', *degüürgemetge* 'как только закончит', *boluṁtaṁṁa* 'как только сварится', *iṁemetge* 'как только придёт', *qayılamatṁṁa* 'как только расплывётся', *daṁusatamṁṁa* 'как только закончится'.

7. Уступительное с аффиксом *-baṁu* / *-beṁü*: *bayıbaṁu* 'хотя и (есть) существует', *bolbaṁu* 'даже если и стал'.

8. Условное с аффиксом *-basu* / *-besü* *ayıladqabasu* 'если соизволит', *kemebesü* 'если скажет', *kıṁayaṁlabasu* 'если ограничить', *ırıbesü* 'если придёт', *nerlebesü* 'если называть', *kündülebesü* 'если уважит', *temdeglebesü* 'если отметит', *soṁsuṁubasu* 'если останется', *ügeyidebesü* 'если не будет'.

Следует отметить, что такие конвербиальные формы, как целевая, «цитатная» (приготовительная), а также условная II с аффиксом *-qula* / *-küle*, условная III с аффиксом *-bala* / *-bele* в текстах бурятских летописей нами не отмечены.

Сопутствующие деепричастия выражают соединительную связь двух независимых действий, например: *...teyin bayıtala kıtad-un yui oboṁ-tu yoga noyan-dayan mekelegdeṁü: kıtad-un daiming kungbuu qayan-dur 1368 on-du qayan törü-ben aldaju: tere qotun-aṁa buruṁudan dutayaju yaruyad, yaṁṁa iṁayur-un 9 köke mongyol ulus-un degere kerlüng mören-ü köbege-dü baras qotun-i barıju: tere jıl-dür qayan sayuṁsan bölüge* [6, с. 57]. – 'Тем временем он был обманут своим нойоном Йога из китайской фамилии Юй и уступил в 1368 году свою империю китайскому дайминскому императору Хун-ву. Он бежал из того города и воссел ханом над народом лишь коренных девяти синих монголов, выстроив город Барс на берегу Керулена' [7, с. 44–45]; *tömed-ün altan gegen qayan ber. dödüger dalai blam-a bsovad nams / rgjamcova-yi jalaju: olan mal alaju ongyud-i takıqu yurım-i bolıyulan: burqan-u ṁaṁın-u olan yeke yurım-i 1578 on-du jokıyobai* [6, с. 64–65]. – 'Тумэтский Алтан гэгэн хан пригласил четвёртого Далай ламу Соднам Джамцо, отменил заклятие множества скота и жертвенные пиршества в честь онгонов и установил в 1578 году многочисленные правила религии Будды' [7, с. 48].

Данные примеры показывают, что при переводе на русский язык инфинитные предикаты, выраженные сопутствующими деепричастиями, принимают грамматическое значение финитного сказуемого, т. е. деепричастия могут представлять, по выражению С. А. Крылова, «второстепенное сказуемое» [5, с. 106]. Кроме того, действие, выраженное деепричастием, может иметь субъект, отличный от субъекта действия, выраженного финитным глаголом.

Из обстоятельственных деепричастий продолжительное, предварительное, предельное выражают различные временные отношения.

Продолжительное деепричастие обозначает длительное действие или состояние, на фоне которого происходит главное действие или действие, которое продолжается в момент совершения главного действия, например: *...namurun buṁalyan-u olan sürlüg qung sibuyud dayun yaruyṁsayar ireküi-dür: tede mongyol-un çerig-üd: ...tusalaqu nemerı qarı-yın olan çereg irıbe geṁü dutayajı busaysan* [6, с. 60] – '...прилетели осенние перелётные птицы, издавая клики, монгольские воины, будучи..., полагая, что прибыло в помощь... чужестранное войско, они обратились в бегство и вернулись назад' [7, с. 46].

Предварительное деепричастие имеет значение «как только». Действие, выраженное финитным глаголом, происходит после действия, выраженного в форме предварительного деепричастия: *mıqan buṁalamatṁṁa yeke modun tebṁi-dü bügüde-yı abṁu oboṁolan talbiyad* [6, с. 108]. – В переводе Н. Н. Поппе этот фрагмент передан сложноподчинённым предложением с придаточным времени: 'Как только мясо закипает, накладывают всё кучей на большое деревянное корытце' [7, с. 65].

Деепричастие предела прежде всего передаёт действие, вслед за совершением которого наступает другое действие. Кроме того, действие, выраженное этим деепричастием, может указывать на предел или условие начала другого действия: *edüge kürtele: tere neremṁı anı aqamad-ıyar batuluṁdaju bayıysayar buı* [6, с. 121]. – 'Те наименования продолжают поныне признаваться властями' [7, с. 71]; *gıneralnui kemjılge boltula: tedeger jon-i: ros-ud ba busu-ṁu yasun-u ulus-nar-tu buu qasıṁulatuyai*: [6, с. 138]. – '...чтобы до генерального обмера этот хоринский народ не притеснялся русскими, а также людьми иной национальности' [7, с. 78].

Данные примеры показывают, что некоторые деепричастия предела с аффиксом *-tala* / *-tele*, образованные от глаголов движения, в современном бурятском языке перешли в разряд послелогов и союзных слов, с указанием на предел во времени и пространстве, например: *kürtele* > *хүрэтэр* 'до, по', *boltula* > *болотор* 'до ..., до тех пор, пока', *degüürtele* > *дүүрэтэр* 'до окончания, до выполнения, до предела', *bayıtala* > *байтар* 'между тем как; тем временем, пока, в то время как', *yabutala* > *ябатар* 'до тех пор, пока'.

Возможно, и в дальнейшем формы предельного деепричастия будут пополнять дан-

ную категорию служебных слов, например: *yadna 3 qonuy önggürtele: busu kümün-dü yambarçu jüyil-ün yaγum-a ögkü-ügei-yi yekede kinaqu* [6, с. 115]. – ‘Кроме того, в течение трёх суток они всячески стараются ничего не давать другим’ [7, с. 68]; *biden dotura: segül-ün anu janggi noyan bayiγsan γaljīd otuy-un jingqan kükür-ün sildei janggi gegči terigülegči noyan metü: edüge bayiγsan mongyol-un γajar-a kerlüng mören sidar-a negüüdel kijü sayutala-ni: qoyar imperi-yin qoyordumda-yin kile obuγ-a tabiydayad* [6, с. 116]. – ‘Наш главный нойон, по имени Шилдэй занги, из рода Галзут, из хухура Жинхан, бывший у нас последним занги-нойоном, кочевал в нынешней Монголии, близ реки Керулен. Тем временем были установлены пограничные знаки между двумя империями’ [7, с. 69].

Как показывает анализ данных предложений, в них лексическое значение предельных деепричастий **önggürtele**, **sayutala**, **yabutala** утрачено. Например, *teyin yabutala 1727 on-du jīq-a kile-yi bayiγulaquy-a irigsen grab arγujīngsqi-ber celengge-yin nirciu-a-giin medegen-ü 3 medel-ün buriyad qamniyad-i kilγu-yin noyoqon nituy-tu çuylayulan teden-ü jang bayidal-i dayuriyalγan 11 juyil-ün ködüge poloofjini-yi jokiyalyaju abuyad tegüber niicegülen mar-ta-yin 24 edüre 1727 on-a “kile-yin instrugcey-a” kemekü poloofjini jokiyaju tegüskegsen-iyer tegüber nige jarim kereg-üd-iyen degüürgen sidkejü bayiγsan bui* [6, с. 116]. – ‘Тем временем граф Рагузинский, прибывший в 1727 году с целью установления границ, собрал бурят и тунгусов трёх ведомств Селенгинского и Нерчинского округов в местности Ноёхон на Хилке и составил в соответствии с их обычаями и состоянием, степное уложение в 11 пунктах, и в соответствии с ним составил 24 марта 1727 года уложение, называвшееся “Пограничной инструкцией”, и роздал его. Согласно ему решали и исполняли некоторые дела’ [7, с. 69]. Слово сочетание *teyin yabutala* переведено ‘тем временем’, что не отражает лексическое значение деепричастия *yabutala*, это свидетельствует о переходе данной деепричастной формы в разряд служебных слов.

Далее уступительное деепричастие имеет значение «хотя» или «даже если», например: *...biçigdegsen qoyar keçeg tuujī biçig bayibaçu* [6, с. 53]. – ‘...хотя и имеются два исторических повествования...’; *teden-eçe busud blam-a-nar anu: nomun qural surγayuli-nar öber-nüd-ün durabar yabuyulalçaqu bolbaçu: busu qara ulus-nar-luy-a adali alba-ban tölүjü bayituyai gebe* [6, с. 70]. – ‘Что же касается остальных лам, то им всем надлежало пла-

тить за себя подати наравне с простолюдинами, хотя они добровольно устраивали молебствия и занимались учением’ [7, с. 50].

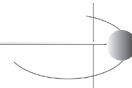
Уступительное деепричастие обозначает такое действие, совершение которого влечёт за собой иной, по сравнению с ожидаемым, результат [8, с. 171].

Рассмотрим следующий пример: *1763 on-aça qori-yin blam-a-nar-un aqalayçi blam-a gelüng lubsang yümsüng kemegçi batuluydaju bayibaçu: oroi-yin medel anu celengge-yin aq-a blam-a-yin medel-dü bayiγsan bui* [6, с. 74]. – ‘... (хотя) в должности главного ламы хоринских лам с 1763 года был утвержден гелун Лубсан Юмсун, тем не менее верховная власть принадлежала главному селенгинскому ламе’ [7, с. 51].

В современном бурятском языке данная форма деепричастия не выделяется отдельно, а отмечается как словоформа с частицей *-шье* с уступительным значением [4, с. 319], например: *Хуса үбгэн үндэр nahатай болобошье haa...* ‘хотя старику Хуса и было много лет...’, вместе с тем следует заметить, что ранее исследователи выделяли её в ряду псевдоконвербиальных форм [9, с. 225–226; 1, с. 62–63].

Условное деепричастие обозначает условие, при котором совершается другое действие, например: *jüger bügüde buddha-yin šasin-tan-du 4563 blam-a-nar bui: egün-i kijayarlabasu tusatai kemekü-eçe busu ilerkeyilegsen yaγum-a ügei buyinam* [ЛХБ, 1935, с. 83]. – ‘... (отметил), что у буддистов имеется 4563 ламы и что было бы полезно ограничить их количество. Кроме этого, им ничего не было выяснено’ [7, с. 55]; *tedeger quriyaydaysan medeged-eçe nige üçeken temdeglebesü* [6, с. 84]. – ‘Несколько немногочисленных замечаний на основании тех собранных сведений’ [7, с. 55]. На наш взгляд, эту фразу ближе к оригиналу следовало бы перевести так: ‘Если отметить несколько пунктов из собранных сведений, то они таковы’.

Таким образом, следует отметить, что деепричастные формы обладают высокой частотностью употребления в текстах бурятских хроник. Они образуют различные деепричастные обороты или зависимые предикативные единицы (ЗПЕ) [11], которые логически связаны между собой и образуют одно целое – сложные синтаксические комплексы (ССК) или сверхфразовые единства (СФЕ). Основные синтаксические функции деепричастий – сопровождать действия основного глагола и участвовать в образовании аналитических форм.

Список литературы

1. Амоголонов Д. Д. Деепричастие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1948. 111 с.
2. Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 394 с.
3. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 400 с.
4. Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 339 с.
5. Крылов С. А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и сложные проблемы общей лингвистики. М., 2004. Ч. 1. 480 с.
6. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе // Тр. Ин-та востоковедения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 9. 172 с.
7. Летописи хоринских бурят: хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе // Тр. Ин-та востоковедения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 33. 106 с.
8. Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: Наука, 1984. 231 с.
9. Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 268 с.
10. Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964. 91 с.
11. Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 199 с.
12. Цыренова Т. Б. Становление системы деепричастных форм в монгольских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16. Улан-Удэ, 2000.
13. Шархуу А. Деепричастие и деепричастные конструкции в современном монгольском языке (в сопоставлении с аналогичными фактами русского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 211 с.

References

1. Amogolonov D. D. Deepri chastie v buryat-mongol'skom yazyke. Ulan-Ude, 1948. 111 s.
2. Badmaeva L. B. Letopis' Vandana Yumsunova – pamyatnik pis'mennoi kul'tury buryat XIX v. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2007. 394 s.
3. Bobrovnikov A. A. Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka. Kazan', 1849. 400 s.
4. Grammatika buryatskogo yazyka: fonetika i morfologiya. M.: Izd-vo vost. lit., 1962. 339 s.
5. Krylov S. A. Teoreticheskaya grammatika sovremennogo mongol'skogo yazyka i slozhnye problemy obshchei lingvistiki. M., 2004. Ch. 1. 480 s.
6. Letopisi khorinskikh buryat. Vyp. 1. Khroniki Tugultur Toboeva i Vandana Yumsunova / per. N. N. Poppe // Tr. In-ta vostokovedeniya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. T. 9. 172 s.
7. Letopisi khorinskikh buryat: khroniki Tuguldur Toboeva i Vandana Yumsunova / per. N. N. Poppe // Tr. In-ta vostokovedeniya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. T. 33. 106 s.
8. Orlovskaya M. N. Yazyk «Altan tobchi». M.: Nauka, 1984. 231 s.
9. Poppe N. N. Grammatika buryat-mongol'skogo yazyka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. 268 s.
10. Sanzheev G. D. Staropis'mennyi mongol'skii yazyk. M., 1964. 91 s.
11. Skribnik E. K. Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke. Novosibirsk: Nauka, 1988. 199 s.
12. Tsyrenova T. B. Stanovlenie sistemy deepri chastnykh form v mongol'skikh yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.16. Ulan-Ude, 2000.
13. Sharkhuu A. Deepri chastie i deepri chastnye konstruksii v sovremennom mongol'skom yazyke (v sopostavlenii s analogichnymi faktami russkogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk. M., 1971. 211 s.

Библиографическое описание статьи

Бадмаева Л. Б. Конвербиальные формы в языке бурятских летописей // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 167–171.

Reference to article

Badmaeva L. B. The Verbal Participle Forms in the Language of the Buryat Chronicles // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 167–171.

Статья поступила в редакцию 13.02.2016